DOI 10.15826/izv2.2022.24.1.016 УДК 81-13 + 001.891.32 + + 821.161.1-3 Пастернак Е. В. Грудева С. А. Соловьева

Череповецкий государственный университет Череповец, Россия

ТАКСИС В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА (на материале рассказа Б. Пастернака «Письма из Тулы»)

Статья посвящена проблеме анализа функционально-семантической категории таксиса как текстовой категории в структуре целостного текста монтажного типа. Материалом исследования стал рассказ Б. Пастернака «Письма из Тулы» (1918), выбор которого обусловлен спецификой текстовой структуры. В тексте монтажного типа функционально-семантическая категория таксиса отражает авторское представление о временной сопряженности действий в рамках целостного временного периода, темпоральной рамки, границы которой определяются перцептором. Основными методами лингвистического анализа стали описательно-аналитический, интерпретативный. В структуре текста монтажного типа становится очевидной связь категории таксиса с идеей семантической множественности ситуаций. Их погруженность в единую темпоральную рамку, а также система используемых синтаксических средств и связей позволяет снять изолированность и преодолеть симультанность текста.

Особое внимание уделяется системе синтаксических средств реализации функционально-семантической категории таксиса. Такой подход позволяет выявить особенности пространственно-временной организации текста, обнаружить принципы сочетаемости компонентов текста и их обусловленность. Выражаемые системой грамматических средств актуальные элементы таксисной семантики отражают сопряженность действий и интенциональность таксисных значений. В структуре текста таксисные отношения возникают между соположенными, не обусловленными логическими связями фрагментами текста; дистантно расположенными фрагментами, связанными лишь рамками общего временного отрезка. Преобладающим типом отношений становится одновременность. Система грамматических средств организации таксиса: аспектуальная семантика глаголов и глагольных форм, параллелизм синтаксических структур, различные типы синтаксических повторов, - становится фактором, позволяющим объединить в тексте параллельно развивающиеся тематические линии, разные способы повествования, показать процесс перцептивной деятельности, сосредоточив читательское внимание на нескольких одновременно осмысляемых событиях как интегрированном фрагменте действительности и стабилизировать пространство монтажного текста. Связь таксиса с точкой зрения субъекта и конструируемой им ситуацией упорядочивает связи между субъективным и объективным, образным и логическим, усиливая интенциональность таксисной семантики, одной из функций которой становится организация читательской стратегии.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория; таксис; аспектуально-таксисная ситуация; текст; монтажный тип текста; соположение

Ц и т и р о в а н и е: *Грудева Е. В., Соловьева С. А.* Таксис в структуре текста (на материале рассказа Б. Пастернака «Письма из Тулы») // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 1. С. 236-252. https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.1.016

Поступила в редакцию:26.11.2020 Принята к печати: 14.03.2021

> Elena V. Grudeva Svetlana A. Solovyova

Cherepovets State University
Cherepovets, Russia

TAXIS IN TEXT STRUCTURE (Based on B. Pasternak's Letters from Tula)

This article is devoted to the problem of analysing the taxis as a text category in the structure of a consistent montage text. The research refers to *Letters from Tula* (1918), a novel by B. Pasternak. The choice of the text is due to the specifics of its structure. In a montage text, the functional-semantic category of the taxis reflects the author's idea of the temporal correlation of actions within the framework of an integral period, a temporal frame. Its boundaries are determined by the perceiver. The main methods of linguistic analysis in the article are the descriptive, analytical, and interpretive. The connection between the taxis category and the idea of a semantic plurality of situations appears in the structure of the montage text. Their immersion in a single temporal frame and the system of syntactic means and connections allows them to overcome the simultaneity of the text.

Special attention is paid to the system of syntactic means of taxis implementation. This approach makes it possible to reveal the features of the spatio-temporal organisation of the text and discover the principles of compatibility of the components of the text, and their conditionality. The system of grammatical means reflects the conjugation of actions and the intentionality of taxis meanings. In the structure of the text, taxis relations arise between juxtaposed and distantly located fragments of the text connected only by the framework of a common period. Simultaneity becomes the predominant type of the relationship. The system of grammatical means of taxis organisation made up by the unity of aspectual semantics, the parallelism of syntactic structures, and various types of syntactic repetitions becomes a factor that makes it possible to combine parallel developing thematic lines and different ways of narration in the text to show the process of perceptual activity, drawing the reader's attention to several simultaneously comprehended events as an integrated fragment of reality and stabilising the space of the montage text. The connection between the taxis and the subject's point of view organises the connections between the subjective and the objective, the figurative and the logical and strengthens the intentionality of taxis semantics, one of whose functions is the organisation of the reading strategy.

K e y w o r d s: taxis; aspectual-taxis situation; editing type of text; juxtaposition

For citation: Grudeva, E. V., & Solovyova, S. A. (2022). Taksis v strukture teksta (na materiale rasskaza B. Pasternaka "Pis'ma iz Tuly") [Taxis in Text Structure (Based on B. Pasternak's *Letters from Tula*)]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta*. *Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 24(1), 236–252. https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.1.016

Submitted: 26.11.2020 Accepted: 14.03.2021

Постановка проблемы

Понятие таксиса, введенное Р. О. Якобсоном [Jakobson], активно разрабатывалось в науке, получая различные трактовки в работах А. В. Бондарко [Бондарко, 1999], В. С. Храковского [Храковский], Г. А. Золотовой [Золотова, 2001], Н. В. Семеновой [Семенова, с. 4–12] и др. В концепции функциональной грамматики А. В. Бондарко (в работах [Акимова, Козинцева; Козинцева; Полянский; Недялков; Теория функциональной грамматики, с. 234–303]) таксис рассматривается как функционально-семантическая категория (ФСК). Семантика таксиса представляет собой отношения «сопряженности действий (компонентов предикативного ряда) в рамках единого временного плана», реализуемые как одновременность / разновременность, предшествование / следование. Значимым моментом в понимании категории таксиса, условием его реализации является понятие целостного периода времени, в рамках которого устанавливаются временные соотношения действий. Для характеристики ФСК таксиса А. В. Бондарко использует понятие аспектуально-таксисной ситуации содержательной структуры, которая базируется на семантической категории таксиса и создаваемом ею ФСП и представляет собой аспект «общей ситуации», связанный сопряженностью действий в рамках одного временного плана [Теория функциональной грамматики, с. 258]. Понятие «целостный временной период», по мнению А. В. Бондарко, может быть применено в отношении таксиса, актуализируемого в пределах высказывания или СФЕ, а не текста, в рамках которого функционирует категория (ФСК) «временного порядка». Однако ориентированность таксисных отношений на более широкий контекст и учет его валентностных характеристик [Храковский, с. 37; Всеволодова, с. 83–84] не противоречит возможности анализа ФСК таксиса на уровне макросреды, в качестве которой может быть рассмотрен целостный текст.

В современной лингвистике существует достаточное количество работ, посвященных анализу категории таксиса в тексте [см.: Золотова, Онипенко, Сидорова; Лебедева; Хаменок; Якушкина]. В данной статье предпринимается попытка анализа ФСК таксиса в структуре целостного текста монтажного типа, при этом основное внимание уделяется синтаксическому аспекту, его роли в формировании семантики таксиса. Это дает возможность раскрыть динамические свойства текста, особенности его пространственно-временной организации, выявить принципы сочетаемости компонентов текста и их обусловленности в континуальных и дисконтинуальных отношениях, в системе синтаксических

единиц и связей, способных стабилизировать динамическую систему текста, преодолеть его симультанность. Поэтичность, музыкальность, субъективность повествования прозаических текстов Пастернака особым образом отражается в их монтажной структуре, сближающей параллельные планы, типы повествования. Материалом для исследования послужил текст рассказа Б. Пастернака «Письма из Тулы» (1918). Его структурные особенности дают возможность рассмотреть механизмы моделирования таксисных отношений в тексте и выявить систему грамматических средств их выражения. Основными методами лингвистического анализа стали описательно-аналитический, интерпретативный.

Результаты исследования

Важной характеристикой ФСК таксиса является его антропоцентричность [Jensen, р. 386; Золотова, 2002]. По мнению Г. А. Золотовой, ФСК таксиса свидетельствует о единстве времени и пространства — хронотопа [Бахтин, с. 234—235], конструирует физический, ментальный мир, в котором выражается и среда, и когнитивная система воспринимающего субъекта.

Актуализируясь в полипредикативной единице, ФСК таксиса отражает авторское представление о временной сопряженности действий в рамках целостного периода времени, границы которого определяются перцептором, опирающимся на собственные коммуникативные установки. Интенциональность таксисных значений выражается в актуальных элементах смысла о переменной сопряженности действий [Семенова, с. 12]. Грамматическая интенциональность проявляется, с одной стороны, в связи грамматических значений и их функций с намерениями автора, его коммуникативными целями, с другой — в способности определенного грамматического средства актуализировать необходимые речевые смыслы [Бондарко, 1999, с. 59–60]. Это становится условием того, что и границы временного периода, в рамках которого сопрягаются действия, во многом детерминируются перцептивной деятельностью субъекта. Именно субъект задает пространственно-временную перспективу, делая возможным установление определенной последовательности действий.

Таксисные отношения одновременности обусловливают параллельное сосуществование в рамках определенного периода нескольких ситуаций. Человек в силу ограниченности своих сенсорно-перцептивных возможностей не способен с одинаковой точностью фиксировать и соотносить друг с другом сразу несколько неустойчивых, быстротечных признаков, находящихся в поле его восприятия в одно и то же время. Обычно он концентрируется лишь на наиболее значимых для него признаках [Найсер, с. 99]. Механизм их формирования описан А. В. Бондарко: первоначально выделяются относительно стабильные признаки, сохраняющие свою качественную устойчивость на протяжении некоторого временного отрезка, его длительность обычно лимитируется временем восприятия. В результате в высказывании как бы моделируется время активной перцептивной деятельности наблюдателя, в границах которого лимитируются

и соотносятся друг с другом все действия, передаваемые как одновременные [Бондарко, 2003, с. 133–135].

Несмотря на то, что в качестве основного способа выражения ФСК таксиса рассматриваются аспектуальные признаки глаголов и их системно-парадигматическое взаимодействие на уровне полипропозиции в условиях жестких схем, типов, правил сочетаемости, эти схемы способны подвергаться существенным модификациям в зависимости от условий контекста (макроконтекста, макросреды). Это, в свою очередь, создает основу для расширения системы средств выражения ФСК таксиса и его семантики, а также позволяет установить взаимосвязь между функционированием ФСК таксиса на уровне высказывания и на уровне текста, особенно если речь идет о тексте монтажного типа.

Монтажность может быть определена как свойство текста, в котором сюжет теряет роль главного определителя и распределителя смыслов [Шатин]. Основной признак монтажной эстетики — членение текста на фрагменты, «куски» (у Шкловского), которые не соответствуют развитию события, изображая его часть. Событие «кадрируется», как изображение в кино. Соединение «кусков» часто не обусловлено логическими связями [Эйзенштейн]. Характеристика текстов монтажного типа включает несколько признаков: фрагментарность, смену точек зрения, включение в повествование других текстов (дневники, стихи), немотивированный разрыв причинно-следственных связей. Монтажный принцип организации текста, с одной стороны, создает субординатные отношения между фрагментами текста, с другой — ослабляет линейные текстовые связи на других его уровнях. Эти свойства монтажного текста лишают нас возможности применять в его анализе термин А. В. Бондарко «временной порядок».

Соположение фрагментов осуществляется в структуре монтажного типа текста в определенном локально-временном пространстве, в рамках текстовых категорий цельности, когезии, дисконтинуальности, модальности. Сопряженность пропозиций в составе полипредикативного комплекса в рамках одного и того же временного плана формирует аспектуально-таксисную ситуацию. В структуре текста монтажного типа функционал ФСК таксиса расширяется до способности организации таксисных отношений между соположенными фрагментами текста (СФЕ) или их компонентами. Таксисные отношения устанавливаются между дистантно расположенными фрагментами текста; соположенными, но не обусловленными логическими связями, отражающими параллельно развивающиеся ситуации, связанные лишь рамками общего отрезка времени. Основным типом отношений между соположенными фрагментами текста становятся отношения одновременности.

В самом общем смысле соположение¹ — это способ актуализации синтаксических отношений, устанавливаемых волей автора, но только при том условии,

¹ В лингвистике существуют различные подходы к понятию соположение. Так, в «Русской грамматике» соположение рассматривается как формально не выраженная синтаксическая связь между подлежащим и сказуемым [Русская грамматика, с. 98]. В концепции Л. Теньера, В. Г. Гака, М. Я. Дымарского

что сочетаемые компоненты вообще способны вступать в какие-либо отношения [Гак, с. 168; Апресян, с. 85; Дымарский]. В структуре текста монтажного типа соположение устанавливается между фрагментами текста, связанными чаще всего отношениями одновременности. В результате несколько ситуаций воспринимаются как интегрированный фрагмент, что предполагает их одновременное осмысление в рамках единого временного плана. Границы временного периода определяются модусом восприятия субъекта.

Система таксисных отношений одновременности становится одним из условий соположенности фрагментов в рассказе Б. Пастернака «Письма из Тулы». К. Флейшман отмечал зеркальность его структуры, связанную с взаимопроницаемостью частиц мира [Флейшман, с. 79]. Рассказ включает несколько типов текстов, отражающих внутреннее сознание автора, поэта и актера (старика): тексты между письмами; тексты писем; рассказ о странном старике. В макроструктуре текста они являются соположенными, параллельными, реализуют принцип монтажной организации, затрудняющий восприятие текста читателем. Синтаксические отношения между ними играют важную роль, особенно на уровне рецепции и интерпретации текста. Именно они отражают интегрирующее авторское сознание, выводящее мир из состояния хаоса. Одной из важнейших функционально-семантических категорий при этом становится таксис с семантикой одновременности.

В структуре монтажного текста становится очевидной связь категории таксиса с идеей семантической множественности ситуаций. Для удобства анализа условно обозначим их как Т-1 и Т-2. Временной рамкой текста рассказа «Письма из Тулы» является промежуток, равный одной «душной тульской ночи». Это целостный период времени, охватывающий отношения между фрагментами текста, характеризующий их с точки зрения одновременности, предшествования, следования, связанный с интенцией говорящего.

Т-1 На воле заливались жаворонки, и в поезде, *шедшем из Москвы, везли задыхав- шееся солнце на множестве полосатых диванов. Оно садилось* (Начало).

Шел поезд в Москву, и в нем везли огромное пунцовое солнце на множестве сонных тел. Оно только что показалось из-за холма и подымалось (Конец) [Пастернак, с. 27, 34].

Отношения одновременности в каждом СФЕ выражены соотношением видо-временных форм глаголов-сказуемых (заливались, везли, садилось, шел, везли, показалось, подымалось) и причастия шедшем, они поддерживаются параллелизмом начальных ССП и СФЕ в целом. Преобладание в СФЕ глаголов несовершенного вида и в начальном (6 — HB, пр. вр.; 2 — CB, пр. вр.), и в конечном (3 — HB, пр. вр.; 1 — CB, пр. вр.) фрагментах текста отражает семантику

соположение — связь, не выраженная особыми морфологическими или синтаксическими средствами. Нулевая степень актуализации связи заключается в простом соположении компонентов (юкстапозиции), которое является лишь сигналом возможного наличия отношений, но никак эти отношения не вскрывает [Дымарский].

процессуальности, одним из главных прагматических признаков которой является перцептивность [Семенова, с. 11]. Контекстуально видо-временная семантика глаголов формирует позицию наблюдателя и синхронность восприятия передаваемых событий, которая усиливается благодаря использованию глагольных форм СВ прошедшего времени с фактуальной семантикой (Оно только что показалось из-за холма и подымалось).

Соположение предложений в структуре СФЕ и повтор в начале и в конце текста отражает механизм объединения событий на уровне концептуальной интеграции и авторской интенции. Таксисные отношения последовательности формируют читательскую установку на восприятие, задают пространственновременную перспективу текста. Процесс формирования таксисной семантики следования происходит не только на уровне сохранения аспектуального значения (шедшем — шёл, садилось — поднималось), но и валентностных форм: из Москвы — в Москву. Одновременно на синтаксическом уровне он сопровождается трансформацией обособленного определения (шедшем из Москвы) в предикативную часть ССП (Шел поезд в Москву) в конце текста.

В рамки этого временного периода встраиваются все другие события, «пучок фактов», объединенных условиями «аспектуально-видового контекста» [Бондарко, 1999, с. 125–163] и отношениями одновременности, поддерживаемыми системой темпоральных координат. Э. Кошмидер использовал понятие ситуационных типов — временных соотношений данного факта с другим в комплексе фактов «как что-то происходило, а тем временем что-то произошло, когда что-то произошло, произошло что-то другое» [Кошмидер, с. 148–151]. Н. В. Семенова предлагает использовать для подобных явлений термин «аспектуальные модели действий» [Семенова, с. 27].

Темпоральная соотнесенность ситуаций, разворачивающихся одновременно в пределах временно́го отрезка, предполагает выбор определенной глагольной формы. Основным фактором при этом становится ситуация, представляющая факт внеязыковой действительности (единая денотативно-темпоральная отнесенность действий):

Тем временем там, здороваясь на улицах, говорили: «С добрым вечером». «Оттуда?» — «Туда», — отвечали иные. Им возражали: «*Поз∂но. Все кончилось*» [Пастернак, с. 27].

Возникают отношения временной локализованности таксиса [Кошмидер, с. 148–151], выраженные временными и пространственными координатами (А в то время ночь... А тем временем... Тем временем там). Временная соотнесенность параллельно развивающихся событий усиливается глагольными формами НВ прошедшего времени.

Смена текстовых линий (Т-1, Т-2) и типов повествования (эпистолярий), удерживаемая в рамках категории таксиса, создает коллажность текста. Письма имеют установку на автономность от всех контекстов. «Запись делает сказанное одинаково независимым как от духа автора и адресатов, так и от присутствия

обсуждаемых в нем предметов» [Хабермас, с. 104]. В рамках монтажного типа текста представляется возможным использование термина О. Ю. Кустовой «эпистолярный инклюзив», который участвует в развитии внешнесобытийного и внутриличностного композиционно-сюжетного ряда произведения, задает особое структурирование художественного хронотопа, создает полиперспективность восприятия событий в повествовании [Кустова, с. 6].

Авторская интенция на параллельное изображение одновременно происходящих событий формирует в тексте единую темпоральную рамку:

Т-2 *Тула*, *10-го*. Ближайший поезд в Москву в три часа ночи...

Тула. Пойду осматривать город. Он в стороне остался. *Есть конка*, да не стоит; ходьбы, говорят, минут сорок.

Тула, десятое (зачеркнуто), одиннадцатое, час ночи...

2 часа... [Пастернак, с. 28].

Выведение пространственных и временных координат в актуальную инициальную позицию текстов писем усиливает их стабилизирующую функцию и формирует темпорально-локативное пространство. Всего в тексте встречается пять случаев использования пространственно-временных координат, четыре из них связаны с линией Т-2 и внешне являются приметой эпистолярия, однако появление временной координаты в линии Т-1 (Прошло пять часов) становится одновременно и показателем смены точки зрения, и средством интеграции ситуаций Т-1 и Т-2, предполагая их одновременное осмысление в рамках единого временного плана («Пока писались эти строки...»). Повторы в системе координат усиливает стабильность пространственного моделирования [Грудева, Соловьева], устойчивость таксисной семантики одновременности или следования происходящего:

Т-1 *Прошло пять часов. Была необычайная тишина*. На глаз нельзя стало сказать, где трава, где уголь. Мерцала звезда... Кроме нее, не было ни души на дороге.

Была необычайная тишина. Бездыханные котлы и вагоны лежали на плоской земле, похожие на скопления низких туч в безветренные ночи.

Последний вагон тульской конки подошел из города. Захлопали откидные спинки скамей. Последним сошел человек с письмами, торчавшими из широких карманов широкого пальто.

Ночь издала долгий горловой звук — и всё стихло. Это было очень, очень далеко, за горизонтом [Пастернак, с. 28].

Таксисные значения осложняются элементами характеризации и обусловленности. Начальные предложения фрагмента отражают погруженность Т-1 и Т-2 в единый временной промежуток. Их соположение актуализируется в рамках аспектуально-таксисной ситуации длительности и наступления факта, на что указывает повтор бытийного предложения Была необычайная тишина. Границы временного периода определяются перцепцией субъекта. Именно он задает пространственно-временную перспективу и последовательность действий. В данном случае важно сложное семантическое взаимодействие видо-временных форм

глаголов (6 — НВ пр. вр.; 6 — СВ пр. вр.). Ослабленная результативность глаголов НВ компенсируется семантикой СВ, которую В. А. Плунгян характеризует как «последнюю логическую возможность членения ситуации», как достижение предела действия ($вс\ddot{e}$ cmuxno), «результирующее состояние» [Плунгян, с. 58], обусловливающее дальнейшее развитие текста « $вc\ddot{e}$ cmuxno».

Т-2 *Тула*, *десятое* (зачеркнуто), *одиннадцатое*, *час ночи*. (Тщательно зачеркнуто.) (оставлено без продолжения).

2 часа... Терзай, терзай меня, ... (Под ним черта, продравшая местами бумагу.) (зачеркнуто все).

Новая попытка. Письмо остается неотосланным.

Как описать тебе? Приходится с конца... Это случай на *территории совести* [Пастернак, с. 29].

Временна́я анафора с указанием на отношения следования формирует таксисную семантику. Смена повествователя и типа текста (эпистолярий) происходит в рамках общей семантики состояния «полной физической тишины»: «Он предположил, что все начнется, когда он перестанет слышать себя и в душе настанет полная физическая тишина» [Там же, с. 32]. Гипотетическая модальность высказывания ставит под сомнение возможность выражения таксисной семантики, а значения глаголов СВ будущего времени начнется, перестанет, настанет тесно смыкаются с модальной семантикой вероятности. Однако в структуре монтажного текста общность семантики состояния становится одним из условий его цельности. Еще раз эта семантика будет актуализирована в конце второй части рассказа: «Он тоже, как главное лицо, искал физической тишины» [Там же, с. 35]. Конструирование симультанных — одновременных, но дистантно расположенных в тексте, — событий происходит не только при условии единой темпоральной рамки, но и при условии общности состояния, которые созданы авторской интенцией.

Способ введения эпистолярного фрагмента в текст (указание на время) становится показателем стабильности и снимает конфликтность при восприятии. Возникает сложная система отношений диктума и модуса, связанная с объективностью во времени и субъективностью в графике. С одной стороны, существует попытка отразить последовательность происходящего, с другой — чистая субъективность, указывающая на способ оформления текста (зачеркнуто; тщательно зачеркнуто; зачеркнуто, брошено без замещения; оставлено без продолжения; под ними черта, продравшая местами букву; зачеркнуто все). Переплетение диктального и модусного отражает реалистичность, динамику творческого процесса.

Особую функциональную значимость в формировании ФСК таксиса получает обстоятельственное придаточное времени (Пока писались эти строки). Универсальность этого средства заключается в его способности к компрессии предыдущего фрагмента текста и одновременно к формированию дальнейшей стратегии его развития. Четырежды повторяясь в тексте, придаточное времени

последовательно формирует несколько типов таксисного значения: одновременности, следования и предшествования.

Сначала одновременность как результат, а потом (часть II) как зеркальное возвращение назад, к тому, что уже состоялось — ретроспекция. Единство семантики состояния (см. выше) поддерживает таксисную семантику.

Т-1 *Пока писались эти строки*, из будок вышли и поплелись по путям низкие нашпальные огоньки. Стали раздаваться свистки.

Пока писались эти строки, стали составлять смешанный елецкий. Ничто не изменилось на всем пространстве совести, пока писались эти строки. От нее несло гнилостностью и глиной. Он предположил, что все начнется, когда он перестанет слышать себя и в душе настанет полная физическая тишина.... Так он думал...

П

Тогда только улегся наконец в городских номерах на Посольской чрезвычайно странный старик. *Пока писались письма на вокзале*, номер подрагивал от легких шажков... [Пастернак, с. 30–32].

Таксисные отношения одновременности формируются и семантикой союза пока, и позицией придаточного времени в структуре фрагмента и СПП, и аспектуально-темпоральной семантикой глаголов НВ и СВ (писались, вышли, поплелись, стали раздаваться, стали составлять, не изменилось). Количественное преобладание форм глаголов СВ (8 употреблений по сравнению с 4 формами глаголов НВ) отражается в смене аспектуальных моделей действий: процессуальности (пока писались), в которой объединяется акциональная и статальная семантика целостного факта, и акциональности с прагматически выделенной начальной фазой действия (вышли, поплелись, стали раздаваться, стали составлять). Выбор форм СВ связан с моделированием перцептивной ситуации, прагматика которой заключается в изображении ситуации в ее развитии. Повтор придаточного уравновешивает пропозиции в рамках одного периода (пока писались эти строки), и таксисная семантика одновременности становится основной. Чередование аспектуальных моделей в пределах фрагмента текста создает эффект стереоскопичности происходящего, усиливающейся на уровне глагольной семантики и валентности (поплелись огоньки, стали раздаваться свистки). Заданная акциональность снимается общеотрицательным предложением Ничто не изменилось и вводит ситуацию целостного факта, выраженного на этот раз уже глаголом НВ (Так он думал). Анафорическая позиция большинства рассмотренных средств создания таксиса одновременно является одним из механизмов временного дейксиса [Бюлер, с. 75].

Часть П

Пока писались письма на вокзале, номер подрагивал от легких шажков, и свечка на окне ловила шепот, часто прерывавшийся молчанием... Мимо, тенькая, протрусила конка. Это шла последняя к вокзалу. В это время ночь издала долгий горловой звук... Он плакал и шептал. Была необычайная тишина. А тем временем... на путях

стали собирать смешанный елецкий. Он тоже брил усы, как все в рассказе. Он тоже, как главное лицо, искал физической тишины. В рассказе только он один нашел ее, заставив своими устами говорить постороннего [Пастернак, с. 30].

Повтор как способ дополнительной актуализации, отражает временную упорядоченность ситуаций (таксис). Ретроспективный план текста, представленный последовательностью ранее обозначенных координат (Это шла последняя к вокзалу. Ночь издала долгий горловой звук... Была необычайная тишина... на путях стали собирать смешанный елецкий), формирует таксисную семантику одновременности в пределах целостного текста, поддерживаемую дейктическими маркерами (тоже, также, как и...).

Предложение *Была необычайная тишина* в тексте рассказа повторяется трижды и приобретает фактивную семантику положения дел, которая актуализируется в течение определенного отрезка текстового времени. По мнению Е. В. Падучевой, фактивность НВ предполагает структуру связей, которые носят каузативный характер [Падучева, 2014, с. 339]. По сути, это состояние, в котором соединяются и среда, и субъекты, поэтому оно всеобще. *Была необычайная тишина* — тот целостный факт, который соединяет Т-1 и Т-2 в рамках единого временного периода, это одно из средств таксиса.

Отношения одновременности со значением торможения и возврата к точке отсчета формируются и за счет повтора главной части СПП с сохранением фазового глагола: Пока писались эти строки, стали составлять смешанный елецкий (часть I). А тем временем... на путях стали собирать смешанный елецкий (часть II).

Таким образом, в структуре текста монтажного типа система средств формирования таксисной семантики включает систему грамматических средств: глаголы и их формы с различной аспектуально-таксисной семантикой, актуализированные повторы пропозиций с бытийной семантикой, выдвижение детерминантов с временной и пространственной семантикой в актуальные позиции предложения или фрагмента текста, использование системы дейктических элементов, связывающих пространственные и временные координаты текста, повторы придаточных с временной семантикой. Синтагматическая и синтаксическая направленность таксиса, ее интенциональность дают возможность рассматривать таксис в структуре целостного текста монтажного типа как особую текстовую категорию.

Заключение

Таксис в структуре монтажного текста, для которого характерна фрагментарность, смена точек зрения, включение в повествование других текстов, становится одним из условий его целостности.

Основной особенностью категории таксиса становится момент сопряжения во времени нескольких ситуаций. Таксисные отношения устанавливаются между соположенными фрагментами текста или их компонентами в рамках целостного

текста, между дистантно расположенными фрагментами текста; соположенными, но не обусловленными логическими связями, отражающими параллельно развивающиеся ситуации, связанные лишь рамками общего отрезка времени.

Преобладающим типом отношений между соположенными фрагментами текста становятся отношения одновременности. Они обусловливают параллельное сосуществование в рамках определенного периода времени нескольких ситуаций.

Система грамматических средств выражения ФСК таксиса включает видовременные формы глаголов, выбор которых обусловлен типом повествования, точкой отсчета, перцептивной ситуацией. Преобладание глагольных форм НВ прошедшего времени в тексте рассказа (146 употреблений глаголов и их форм НВ в соотношении с 88 СВ) реализует семантику процессуальности и членимости ситуации. Актуализация перцептивной позиции говорящего в текстах писем (Т-2), фиксирующая реальные события, двигающие повествование вперед, проявляется в использовании форм СВ прошедшего времени. Взаимодействие форм НВ и СВ становится в тексте показателем смены ситуаций и установления связей между соположенными симультанными фрагментами текста в рамках таксисной семантики одновременности.

В условиях текста система средств выражения таксиса значительно расширяется за счет синтаксических средств и приемов. Это локально-темпоральные координаты, занимающие позиции детерминантов. Их функционирование в тексте усиливает стабильность пространственного моделирования. Повторы бытийных предложений способствуют временной упорядоченности фрагментов в структуре текста.

Особую функциональную значимость в формировании ФСК таксиса получает обстоятельственное придаточное времени. Его универсальность связана со способностью к компрессии и развертыванию текста, формированию таксисных значений одновременности, следования и предшествования.

ФСК таксиса и система средств его формирования создает стереоскопичность монтажного текста, позволяющую объединить в тексте не только параллельно развивающиеся тематические линии, разные способы повествования, но и показать процесс перцептивной деятельности, сосредоточить читательское внимание на нескольких одновременно осмысляемых событиях как интегрированном фрагменте действительности и стабилизировать пространство монтажного текста.

Будучи связанным с точкой зрения субъекта и конструируемой им ситуацией, таксис упорядочивает связи между субъективным и объективным, образным и логическим. В результате усиливается интенциональность таксисной семантики, одной из функций которой становится организация читательской стратегии.

Сокращения

НВ несовершенный вид

пр. вр. прошедшее время

СВ совершенный вид

ФСК функционально-семантическая категория

Источники

Пастернак Б. Письма из Тулы // Пастернак Б. Собрание сочинений : в 5 т. М. : Худож. лит., 1991. Т. 4 : Повести. Статьи. Очерки. С. 27–34.

Исследования

Акимова Т. Г., Козинцева Н. А. Зависимый таксис (на материале деепричастных конструкций) // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. С. 256–274.

Апресян Ю. Д. Избранные труды Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Худож. лит., 1975. С. 234-407.

 $\mathit{Fondapko}$ А. В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999.

 $\mathit{Fondapko}\,A.\,B.$ Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М. : Наука, 2003.

Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, 2000.

Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: Изд-во МГУ, 2000.

Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000.

Грудева Е. В., Соловьева С. А. Синтаксический повтор как средство монтажного принципа организации текста // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 424. С. 12–16. https://doi.org/10.17223/15617793/424

Дымарский М.Я. Язык без метода или метод без языка (проблема типологии синтаксических связей в современной русистике). URL: https://www.ejournals.eu/Language-and-Method/2012/2012/art/3824/ (дата обращения: 26.11.2018).

Золотова Г. А. К вопросу о таксисе // Исследования по языкознанию : сб. ст. к 70-летию А. В. Бондарко / отв. ред. И. В. Недялков. СПб. : Наука, 2001. С. 170–175.

3олотова Γ . А. Категории времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. 2002. № 3. С. 8–29.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: МГУ. 1998.

Козинцева Н. А. Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями. Л.: Наука, 1993.

Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола: опыт синтеза // Вопросы глагольного вида / под ред. Ю. С. Маслова. М.: Наука, 1962. С. 105–167.

Кустова О. Ю. Письмо как самостоятельный текст и как композиционная часть художественного произведения: на материале творчества Теодора Фонтане: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. СПб., 1998.

Лебедева Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов): автореф дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Томск, 2000.

Найсер У. Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии. М.: Наука, 1981.

Недялков И. В. Множество значений зависимого таксиса, входящих в сферу одновременности // Исследования по языкознанию: сб. ст. к 70-летию А. В. Бондарко / отв. ред. И. В. Недялков. СПб.: Наука, 2001. С. 112–113.

Падучева Е. В. Эксплетивное отрицание и семантика союза ПОКА // Язык. Константы. Переменные = Language. Constants. Variables: памяти Александра Евгеньевича Кибрика: сб. науч. тр. / под ред. М. А. Даниэля, Е. А. Лютиковой, В. А. Плунгяна (гл. ред.), С. Г. Татевосова, О. В. Федоровой. СПб.: Алетейя, 2014. С. 339–350.

Плунгян В. А. К определению результатива (универсальна ли связь результатива и предельности?) // Вопросы языкознания. 1989. № 6. С. 55-63.

Полянский С. М. Одновременность / разновременность и другие типы таксисных отношений // Теория функциональной грамматики / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб. : Ленанд, 2017. С. 243-255.

Русская грамматика: [в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. М.: Наука, 1980. Т. 2. Семенова Н. В. Категория таксиса в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Великий Новгород, 2004.

Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб. : Ленанд, 2017.

Флейшман Л. К характеристике раннего Пастернака. Бремен: K-presse, 1975.

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003.

Хаменок В. И. Монтаж, литературные и музыкальные приемы в прозе Б. Л. Пастернака (на примере повести «Воздушные пути») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11(65): в 3 ч. Ч. 3. С. 54–56.

Храковский В. С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 32-54.

Шатин Ю. В. Сюжетная машина как аннигилятор смысла («Дом листьев» Марка Z. Данилевского) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 2. С. 127–132.

Эйзенштейн С. М. Монтаж аттракционов: к постановке «На всякого мудреца довольно простоты» А. Н. Островского в московском Пролеткульте // Леф. 1923. № 3. С. 70–75.

Якушкина И. В. Реализация категории предшествования в англоязычном художественном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Саранск, 2010.

Jakobson R. Shifters and Verbal Categories. Harvard University, Department of Slavic Languages and Literatures, Cambridge, MA, 1957.

Jensen P. A. Narrative description or descriptive narration: Problems of aspectuality in Cechov // Verbal aspect in discourse / ed. by N. B. Thelin. Amsterdam; Philadelphia; John Benjamins, 1990. P. 383–409.

References

Akimova, T. G., & Kozintseva, N. A. (1987). Zavisimyi taksis (na materiale deeprichastnykh konstruktsii) [Dependent Taxis (Based on Adverbial Structures)]. In A. V. Bondarko (Ed.), *Teoriia funktsional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaia lokalizovannost'. Taksis* [The Theory of Functional Grammar. An Introduction. Aspectuality. Temporary Localisation. Taxis] (pp. 256–274). Leningrad: Nauka.

Apresyan, Yu. D. (1995). *Izbrannye trudy* [Selected Works] (Vol. 2: *Integral'noe opisanie iazyka i sistemnaia leksikografiia* [Integral Description of the Language and Systemic Lexicography]). Moscow: Shkola. Iazyki russkoi kul'tury.

Bakhtin, M. M. (1975). Formy vremeni i khronotopa v romane: Ocherki po istoricheskoi poetike [Forms of Time and Chronotope in the Novel: Essays on Historical Poetics]. In M. M. Bakhtin, *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniia raznykh let* [Literature and Aesthetics. Research over the Years] (pp. 234–407). Moscow: Khudozhestvennaia literatura.

Bondarko, A. V. (1999). Osnovy funktsional'noi grammatiki. Iazykovaia interpretatsiia idei vremeni [Foundations of Functional Grammar. Linguistic Interpretation of the Idea of Time]. St Petersburg: Nauka.

Bondarko, A. V. (2003). *Printsipy funktsional'noi grammatiki i voprosy aspektologii* [Principles of Functional Grammar and Aspects of Aspectology]. Moscow: Nauka.

Bondarko, A. V. (Ed.). (2017). *Teoriia funktsional'noi grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'*. *Vremennaia lokalizovannost'*. *Taksis* [The Theory of Functional Grammar. An Introduction. Aspectuality. Temporary Localisation. Taxis]. St Petersburg: Lenand.

Bühler, K. (2000). Teoriia iazyka [Language Theory]. Moscow: Progress.

Dymarsky, M. Ya. (2012). Iazyk bez metoda ili metod bez iazyka (problema tipologii sintaksicheskikh sviazei v sovremennoi rusistike) [A Language without a Method or a Method without a Language (the Problem of the Typology of Syntactic Relations in Modern Russian Studies)]. Retrieved from https://www.ejournals.eu/Language-and-Method/2012/2012/art/3824/

Eisenstein, S. M. (1923). Montazh attraktsionov: k postanovke "Na vsiakogo mudretsa dovol'no prostoty" A. N. Ostrovskogo v moskovskom Proletkul'te [The Installation of Attractions: For the Production of *Enough Stupidity in Every Wise Man* by A. N. Ostrovsky in the Moscow Proletkult]. *Lef*, 3, 70–75.

Fleishman, L. K. (1975). K kharakteristike rannego Pasternaka [On the Characteristics of Earlier Pasternak]. Bremen: K-presse.

Gak, V. G. (2000). Teoreticheskaia grammatika frantsuzskogo iazyka [Theoretical Grammar of the French Language]. Moscow: Dobrosvet.

Grudeva, E. V., & Solovyova, S. A. (2017). Sintaksicheskii povtor kak sredstvo montazhnogo printsipa organizatsii teksta [Syntactic Repetition as the Principle of the Montage in Text Organisation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiia*, 424, 12–16.

Habermas, J. (2003). Filosofskii diskurs o moderne [Philosophical Discourse about Modernity]. Moscow: Ves' mir.

Jakobson, R. (1957). *Shifters and Verbal Categories*. Harvard University, Department of Slavic Languages and Literatures, Cambridge: MA.

Jensen, R. A. (1990). Narrative Description or Descriptive Narration: Problems of Aspectuality in Cechov. In N. B. Thelin (Ed.), *Verbal aspect in discourse* (pp. 383–409). Amsterdam: Philadelphia: John Benjamins.

Khamenok, V. I. (2016). Montazh, literaturnye i muzykal'nye priemy v proze B. L. Pasternaka (na primere povesti "Vozdushnye puti") [Montage, Literary, and Musical Techniques in the Prose of B. L. Pasternak (with Reference to *Air Ways*)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 11(65), 3.54–56

Khrakovsky, V. S. (2003). Kategoriia taksisa (obshchaia kharakteristika) [Taxis Category (General Characteristics)]. *Voprosy jazykoznanija*, 2, 32–54.

Koshmider, E. (1962). Ocherk nauki o vidakh pol'skogo glagola: opyt sinteza [Essay on the Scholarship of the Types of the Polish Verb: An Attempt at Synthesis]. In Yu. S. Maslov (Ed.), *Voprosy glagol'nogo vida* [Questions of Verbal Aspectology] (pp. 105–167). Moscow: Nauka.

Kozintseva, N. A. (1993). *Vremennaia lokalizovannost' deistviia i ee sviazi s aspektual'nymi, modal'nymi i taksisnymi znacheniiami* [Temporary Localisation of Action and its Connection with Aspectual, Modal, and Taxis Meanings]. Leningrad: Nauka.

Kustova, O. Yu. (1998). Pis'mo kak samostoiatel'nyi tekst i kak kompozitsionnaia chast' khudozhestvennogo proizvedeniia: na materiale tvorchestva Teodora Fontane [Writing as an Independent Text and as a Compositional Part of a Work of Art: Based on the Work of Theodore Fontane] (doctoral dissertation abstract). St Petersburg.

Lebedeva, N. B. (2000). Polisituativnosi' glagol'noi semantiki (na materiale russkikh prefiksal'nykh glagolov) [Polysituativity of Verbal Semantics (Based on Russian Prefixal Verbs)] (doctoral dissertation abstract). Tomsk.

Naiser, U. (1981). Poznanie i real'nost': Smysl i printsipy kognitivnoi psikhologii [Cognition and Reality: The Meaning and Principles of Cognitive Psychology]. Moscow: Nauka.

Nedyalkov, I. V. (2001). Mnozhestvo znachenii zavisimogo taksisa, vkhodiashchikh v sferu odnovremennosti [The Multitude of Dependent Taxis Values Included in the Scope of Simultaneity]. In I. V. Nedyalkov (Ed.), *Issledovaniia po iazykoznaniiu: sbornik statei k 70-letiiu A. V. Bondarko* [Studies in Linguistics: A Collection of Articles for the 70th Birthday of A. V. Bondarko] (pp. 112–113). St Petersburg: Nauka.

Paducheva, E. V. (2014). Ekspletivnoe otritsanie i semantika soiuza POKA [Expletive Negation and the Semantics of the POKA Union]. In M. A. Daniel', E. A. Lyutikova, V. A. Plungyan, S. G. Tatevosov, & O. V. Fedorova (Eds.), *Iazyk. Konstanty. Peremennye* [Language. Constants. Variables] (pp. 339–350). St Petersburg: Aleteia.

Plungyan, V. A. (1989). K opredeleniiu rezul'tativa (universal'na li sviaz' rezul'tativa i predel'nosti?) [On the Definition of the Resultative (is the Relationship between the Resultative and Boundedness Universal?)]. *Voprosy jazykoznanija*, 6, 55–63.

Polyansky, S. M. (2017). Odnovremennost' / raznovremennost' i drugie tipy taksisnykh otnoshenii [Simultaneity / Asynchronicity and other Types of Taxis Relations]. In A. V. Bondarko (Ed.), *Teoriia funktsional'noi grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaia lokalizovannost'. Taksis* [The Theory of Functional Grammar. An Introduction. Aspectuality. Temporary Localisation. Taxis] (pp. 243–255). St Petersburg: Lenand.

Semyonova, N. V. (2004). *Kategoriia taksisa v sovremennom russkom iazyke* [Taxis Category in Modern Russian] (doctoral dissertation abstract). Veliky Novgorod.

Shatin, Yu. V. (2018). Siuzhetnaia mashina kak annigiliator smysla ("Dom list'ev" Marka Z. Danilevskogo) [The Plot Machine as an Annihilator of Meaning (*House of Leaves* by Mark Z. Danilevsky)]. Sibirskii filologicheskii zhurnal, 2, 127–132.

Shvedova, N. Yu. et al. (Eds.). (1980). *Russkaia grammatika* [Russian Grammar] (Vol. 2). Moscow: Nauka.

Vsevolodova, M. V. (2000). *Teoriia funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa: Fragment prikladnoi (pedagogicheskoi) modeli iazyka* [The Theory of Functional-Communicative Syntax: A Fragment of the Applied (Pedagogical) Language Model]. Moscow: MGU Publ.

Yakushkina, I. V. (2010). *Realizatsiia kategorii predshestvovaniia v angloiazychnom khudozhestvennom diskurse* [Implementation of the Category of Precedence in the English-Language Artistic Discourse] (doctoral dissertation abstract). Saransk.

Zolotova, G. A. (2001). K voprosu o taksise [To the Question of Taxis]. In I. V. Nedyalkov (Ed.), *Issledovaniia po yazykoznaniju: sbornik statei k 70-letiiu A. V. Bondarko* [Studies in Linguistics: A Collection of Articles for the 70th Birthday of A. V. Bondarko] (pp. 170–175). St Petersburg: Nauka.

Zolotova, G. A. (2002). Kategorii vremeni i vida s tochki zreniia teksta [Time and View Categories in Terms of Text]. *Voprosy jazykoznanija*, 3, 8–29.

Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., & Sidorova, M. Yu. (1998). *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka* [Communicative Grammar in the Russian Language]. Moscow: MGU Publ.

Грудева Елена Валерьевна

доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкий государственный университет 162600, Череповец, пр. Луначарского, 5

E-mail: egrudeva@gmail.com

Соловьева Светлана Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций и медиа Череповецкий государственный университет

162600, Череповец, пр. Луначарского, 5 E-mail: ssa doc@mail.ru

Grudeva, Elena Valerievna

Dr. Hab. (Philology), Professor Department of Russian Philology and Applied Communications Cherepovets State University 5, Lunacharsky Ave., 162600 Cherepovets, Russia Email: egrudeva@gmail.com https://orcid.org/0000-0003-2688-4433 ResearcherID: V-5570-2017 Scopus AuthorID: 26534226300

Solovyova, Svetlana Aleksandrovna

PhD (Philology), Associate Professor Department of Social Communications and Media Cherepovets State University 5, Lunacharsky Ave., 162600 Cherepovets, Russia Email: ssa doc@mail.ru https://orcid.org/0000-0001-7688-2108 ResearcherID: ABE-9249-2020